

Вера ЗУБАРЕВА

* * *

Что происходит с нами? День
И холоднее, и короче.
Он — будто первая ступень
К началу осени и ночи.
Вот мельком вдруг нелетний свет
Средь летнего себя объявит.
Так быстро, остро! Был ли — нет?
Отбросив тени трафарет,
Колеблется листвы орнамент.
И каждый следующий час
Грустит о том, который пробит,
И все, что ожидает нас,
Уже раскрыл нам прошлый опыт.
Не ожидать уже, но ждать,
Догадываясь — догадаться,
Что августа не задержать
И августу не задержаться,
Что все вершится в свой черед,
И жизни ткань — из крепких нитей,
И непреложен строгий ход
Природных и — иных событий.
Вернее этих смен теперь
Не назову, пожалуй, верность.
И сколько же еще потерь
Познаю как закономерность?..

* * *

Лето отступает потихоньку.
Три звезды все раньше на часах.
Кресло притулилось к подоконнику
И грустит о том, что день иссяк.
Был — и только блик на горизонте,
Память, что ушел в разгаре дел
И оставил сумеречность в комнате
С креслом без того, кто в нем сидел...

Вера Кимовна Зубарева — доктор филологических наук Пенсильванского университета. Автор книг поэзии, прозы и литературной критики. Пишет и публикуется на русском и английском языках. Первый сборник стихотворений вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной. Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных литературных премий. Публиковалась в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Новый мир» и др. Главный редактор журнала «Гостиная», президент проекта «Русское безрубежье».

* * *

Ну, что теперь? Уж середина августа.
Пчела остервенело ищет лакомства,
Текут рекой подземной муравьи
Вниз-вверх по дереву. Разгар любви
У склеенных стрекоз. Во всем гармония,
И ветра вальс, и птица на балконе
Гнезда тоскует, с облаком простясь,
А облако точь-в-точь как Игорь-князь.
И смотрят вслед ему деревья-воины,
И в серебре доспехи их зеленые,
Что небо окропило на заре.
И крылья птицы тоже в серебре.
Стрекохут в травах древние предания,
И облака размочит очертания,
Лишь на лету крылом его задень.
И сохранится все, но — минус день.
И молит в кронах середину августа
Тень Фауста: «Повремени, пожалуйста...»

* * *

Отсвечивая синью радостно
И выпевая птичьи стансы,
Сентябрь пришел под маской августа,
Но все его узнали сразу,
Хоть каждый, как умел, подыгрывал,
Решив не поддаваться грусти.
Кузнечик весело подпрыгивал,
И аплодировали гуси.
И только к вечеру, лишь к вечеру,
Когда трава, остыв, погасла
И притворяться стало не к чему,
Пришел сентябрь, всем стало ясно...

* * *

Кто-то всю ночь пытался разговаривать,
Отпугивал сны, ворошил прошлое.
К утру стало ясно — это память
Проникла в дом незвано-непрошено.
Мусор внесла в избу, наследила,
Рылась в мыслях, давно опечатанных,
На том, что будет, что есть, что было —
На всем оставила свой отпечаток.
Валялось спокойствие, навек убитое,
В луже воспоминаний, и прочее, и прочее,
Не считая разбитого корыта
Со струйкой уже иссякающей ночи.

* * *

Нельзя так пропадать в осеннее ненастье,
Нельзя, я говорю, нельзя, не прекословь!
Я чувствую — настал святой момент согласья,
И пишутся дожди, и полон до краев
Небесный свод. И дождь грохочет по ступеням,
Вот-вот откроет дверь, прольется за порог,
И можно лишь гадать, кто здесь кого навял,
Но дождь душе — как дом, а дом совсем промок.
Он ждет, когда придем, чтоб говорить о нашем,
И ты идешь ко мне, и дождь идет к перу,
И тысячи надежд
Живут в листке непавшем,
И новый счет минут —
В опавшем поутру.

* * *

Стволов пустая высота
Протянута к дождям беззвучным.
Тот мир, который назван лучшим,
Течет с небесного холста.
Усилен ракурс глубины
Корнями, стянутыми влагой.
По траектории зигзага
Бегут, фатально неверны,
Два жителя различных жизней.
Их кратко сводит светофор
И участившийся минор
В косом проеме
Рваных линий.

* * *

Сыплются даты ухода в копилку сердца.
Было пустым и звонким. Теперь все глуше.
Каждая жизнь готова переодеться
В платье из ткани, из коей вытканы души.
Кто-то невидимый ходит, снимает мерку
И оседает теплый туман на плиты.
Падают листья. Ветви возносятся кверху,
Птицы клюют молчаливые их молитвы.
Все это — осень, это ее известья,
Это ее архангелы с ветром в крыльях
Тушат огни светлячков, и дичает месяц,
Бабочки вянут, несутся, как фантики с пылью.
Выдула шарик себе в день рождения рыба,
Так и плывет по теченью воды обмелевшей,

И провожает ее по косе отлива
Шелест прибрежной травы: «Камо грядеши...»

* * *

Опять тревожит образ ливней,
И память запахов земли
Витает в отстраненно-зимней,
Морозом стиснутой дали.
Исподтишка тумана воздух,
Жизнь подплавляет лед нуля,
И рваней сон, и меньше в звездах
От высоты и февраля.
Прорвав зимовья оболочку,
Едва очнувшись от глубин,
Ум облюбовывает точку,
Где обнажен и уязвим.
И то невнятнее, то резче
Приливы неба вдалеке,
Как первые попытки речи
На неизвестном языке.

* * *

Инея письмо витиеватое
Леденеет на окне застуженном.
Льнет луна к нему во сне накатами,
Зимним околдованная кружевом.
И ступенька заснежилась клавишей,
Блестки нот мельчат сквозь сито облака,
А по луже, лед с луною сплавившей,
Мерзлоты вселенской иероглифы.
От тепла лишь выдох и останется.
Снежным пухом птица припорошена,
И согреться можно только памятью,
Если развести огонь из прошлого.

* * *

Ждали снега, а выпала белая грусть,
Бегло веток коснулась и крыш окаемки.
Ну а память читала себе наизусть
Про заснежье дворов и парадных потемки.
Лихо ветер закручивал челку волны,
Город к ночи шагал тяжелей и зеркальней,
Спали люди с обратной его стороны,
Отливало трюмо законностью в спальне.

И катились под горку салазки ли, жизнь,
Представленья о будущем или о прошлом,
И подбадривал ветер их вслед: «Не тужи!»,
Будто это и впрямь еще было возможно...

* * *

Месяц, как дух, возник
В нимбе литых планет.
Рек зазеркалье. В них —
Рыб ледяных свет,
Горных кристаллов поток,
Инея древний иврит,
И новорожденный Бог
В таинстве букв вихрит.

* * *

Снежной ели сверкает айсберг,
Корабли домов укачало,
И сугробов белые вазы
В сердцевинах лелеют молчанье,
И дыханьем волнует воздух,
Белый ветер над ними вьется.
На странице следы полозьев
Зазывают строку за околицу.
И сильнее волненье в ветках.
Затекает метель ямбы.
И на всем — лишь пятнышко света
Фонаря от настольной лампы.

* * *

Скоро, скоро закончится этот февраль.
Снег не выпал, а выпала жизнь на распутье,
Словно кто-то небесный там с ней поиграл
И оставил взамен только облачко грусти.
Сколько жизни-воды утекло с тех времен!
Возвратилась бы снегом, подумаешь ночью
И представишь себе, как несет почтальон
Ворох писем, разорванных в снежные клочья...